

2007

Эмоционально-оценочный аспект русской лексики и фразеологии (опыт прагмалингвистического словаря)

Андрей Зайнульдинов

Follow this and additional works at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj>

Part of the [Slavic Languages and Societies Commons](#)

Recommended Citation

Зайнульдинов, Андрей (2007) "Эмоционально-оценочный аспект русской лексики и фразеологии (опыт прагмалингвистического словаря)," *Russian Language Journal*: Vol. 57: Iss. 1, Article 3.

Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol57/iss1/3>

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

**Эмоционально-оценочный аспект
русской лексики и фразеологии
(опыт прагмалингвистического словаря)**

Андрей Зайнульдинов

В рамках огромного многообразия словарей различного типа, представленных в современной лексикографической практике, автором предложен тип словаря, посвященный выражению эмоциональной оценки как разновидности прагматической языковой информации, «Словарь эмоционально-оценочной русской лексики и фразеологии» (ЭМОС). Словарь ориентирован, в первую очередь, на иностранных учащихся, для которых прагматический аспект языкового значения особенно сложен.

В настоящем Словаре объединяются лексические и фразеологические единицы, выражающие тот или иной вид эмоциональной оценки. При этом лексические единицы включают жаргонные слова и значения, что позволяет представить потенциальное развитие оценочной семантики данного лексического пласта. Источниками языкового материала послужили словарные иллюстрации толковых словарей: *Словаря русского языка* Ожегова, *Толкового словаря русского языка* Ушакова, *Словаря современного русского литературного языка* в 17 томах, *Словаря русского языка* в 4 томах, *Толкового словаря русского языка конца 20 века*; фразеологических словарей: *Русские фразеологизмы* Фелициной и Мокиенко (РФ), *Фразеологического словарь русского литературного языка конца 18-20 века* Федорова, *Словаря русской фразеологии* Бирих, Мокиенко, Степановой (СРФ); *Словаря московского арго: материалы 1980-1994 г.* Елистратова, *Этимологического словаря русского языка* Фасмера, а также цитаты произведений художественной литературы и публицистики.

Выборка основного корпуса лексических единиц проводилась на основании лексикографических помет, языковой интуиции исследователя как носителя языка, лингвистических критериев выделения эмоционально-оценочной лексики. Сплошная выборка составила более 6500 лексем и лексико-семантических вариантов слов, 2500 ФЕ (фразеологических единиц), и более 10000 словоупотреблений.

Формирование корпуса Словаря оказалось невозможным без разрешения на теоретическом и практическом уровне ряда проблем, связанных с трактовкой *эмоциональной (эмотивной) оценочности*. Выражение эмоциональной оценочности, положенное в основание предлагаемого словаря, определило необходимость теоретического обоснования категории эмоциональной оценки в связи с обилием разночтений в рамках существующих лингвистических теорий.

Автором выдвигается тезис, что возможно объективировать языковую интуицию исследователя, используя лингвистические критерии и лексикографическое описание; другими словами, *эмоциональная оценка* может быть определена через ее компоненты, доступные объективному анализу и компьютерной обработке данных.¹

В качестве критерия возникновения эмоциональной оценки на лексическом уровне предложена значимость внутренней формы лексических единиц (семантическая и словообразовательная мотивированность).

Эмоциональная оценка определяется как отражение эмотивного мышления при реализации экспрессивной функции языка, обуславливающей эффект воздействия. Данное теоретическое положение позволяет уточнить взаимоотношение категорий *Экспрессивность*, *Эмоциональность* и *Эмоциональная оценочность*: все эмоционально-оценочные единицы экспрессивны.

Разграничение понятий *Экспрессивности*, *Эмоциональности* и *Оценочности* (*Эмоциональной оценочности*) в значительной степени конкретизирует терминологический аппарат, тем не менее определение категорий эмоциональной оценочности и экспрессивности невозможно без обращения к проблеме *Образности* слова.

Собственно образное значение слова является компонентом лексического значения, передающим сопутствующие представления. Данная трактовка восходит к русской филологической традиции (работам Потебни, Овсяннико-Куликовского и др.), а также концепциям Гумбольдта, Балли, рассматривающим понятие

---

¹ См. замечание Вежицкой о возможности и необходимости создания модели универсальных семантических примитивов как инструмента исследования естественного семантического языка (Вежицкая 1996:86).

внутренней формы слова как ассоциативно-образный мотив при выделении психологической данности представления, вызывающего соответствующий образ на основе его языковой мотивированности: *“внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление”* (Потебня 1999:125). На особую роль аналогии и мотивации в языке указывали также ряд зарубежных исследователей: Lakoff 1987, Pastor 1996:121.

Сущность семантической мотивированности заключается в уподоблении двух предметов по общему для них признаку, при этом признак называется опосредованно, через *образ-символ*, существующий в языковом сознании носителей данного языка как воплощение этого признака (метафорический перенос, ассоциативные характеристики).

Существенно замечание о том, что корни языковой образности находятся не в области логической семантики, а в системе значений конкретного языка (Black 1962; Караулов 1985:18). Возможность одновременного восприятия старого и нового понятия на основе закона ассоциации определяет смысловую двуплановость языковых единиц, в то же время чувственная наглядность признака обуславливает возникновение эмоциональной оценочности как частной разновидности экспрессивности: *“образ будит эмоциональное переживание”* (Телия 1986:14).

Образность представляет собой семантический компонент, отражающий ассоциации (представления), связанные с определенным словом, а через него и с конкретным признаком, явлением, называемым данным словом. Необходимо уточнить, что свойства, закрепленные за образным значением слова, могут быть предполагаемыми или переосмысленными. Специфика образности как средства создания экспрессивности обуславливает наличие коннотативных сем (в том числе эмоциональной оценочности), наслаивающихся на денотативное значение и разграничение функций предикации и идентификации, в связи с чем эмоционально-оценочная образность, определяющая предикацию, обладает повышенной поражающей силой.

Нельзя не отметить принципиально важный аспект значимости внутренней формы при создании образности, представленный в работе Телия (1996). В соответствии с положениями Шмелева предлагается интерпретировать особый тип отношений, дополняющих

синтагматические и парадигматические связи: мотивированность – словообразовательную или семантическую (Телия 1996:27). Таким образом, в лингвистический обиход было введено еще одно измерение – эпидигматическое – измерение, оперирующее ассоциациями, которые мотивируют вторичные значения слов.

Вежбицкая утверждает, что при выделении семантических примитивов (элементарных, неразложимых единиц естественного языка, с помощью которых могут быть истолкованы значения более крупных в семантическом отношении слов, выражений) могут быть определены дополнительные значения прототипического сценария: “*мерзавец* – ‘я не хочу быть рядом с этим человеком’; *подлец* – ‘Х не такой, как другие люди, Х может делать плохие вещи, которые другие люди делать не могут’; *негодяй* – нельзя думать, что Х будет делать хорошие вещи; можно думать, Х будет делать плохие вещи’, которые не мотивированы этимологически (Вежбицкая 1996:83). Действительно, значения сценариев не мотивированы этимологически, но этимология (внутренняя форма), по нашему мнению, определяет оценочный характер лексической или фразеологической единицы.

Введение в лингвистический обиход понятия эпидигматического измерения и осознание важности мотивационного основания фразеологизмов-идиом определило необходимость исследования самой образной структуры внутренней формы – ее метафорического характера, а также роли в ней различного рода символов или квазисимволов (например, квазисимвольного прочтения слова *рука* в идиомах, где этот компонент ассоциируется с идеей власти: *держат в руках, иметь руку*), а также эталонов или квазиэталонов (типа *дрожать над каждой копейкой, от горшка два вершка*) (Телия 1996:45). Все вышеизложенное в полной степени относится не только к фразеологической, но и к лексической образной семантике.

Данное положение близко к идеям ‘упаковки’ знания в форме акциональных фреймов (минимально необходимой совокупности признаков (Минский 1979), что позволило ввести в описание понятие прототипа или гештальт-структуры (Гумбольдт 1984; Филлмор 1983:49). Под этими синонимичными терминами подразумевается представление, т. е. некоторая более конкретная форма отражения, чем понятие (идеальное образование) – нечто вроде ‘картинки’ с опущенными второстепенными деталями при сохранении существенных. В концепции психологов это представление – стереотип

(прототип) пересекается с двумя концептами: тем, что психологи называют типовым образом (стереотипом, эталоном), и тем, что лингвисты обычно соотносят с денотатом, т.е. выделенным при номинации 'представителем класса' (или множества) объектов.

Этот объект представляет типовые признаки обозначаемых реалий, основанные на знании о свойствах реалий, входящих в данное множество, отражающие представление о классе референтов в языковом сознании и соответствует в национальном языке 'наивной' (в определении Апресяна) картине мира носителей данной лингвокультурной общности.

Существует значительное число наблюдений, указывающих косвенно на оценочное значение компонентов фразеологических единиц (см. работы Мокиенко, Мелерович, Фелициной, упомянутые выше фразеологические словари): "*кровь с молоком* – Белое лицо и румянец – красота, свидетельство хорошего здоровья, отсюда – положительная тональность выражения" (РФ:77); "*видеть (все) в розовом (радужном) свете* – Розовый цвет ассоциировался с добрым здоровьем и благополучием, с благодушием и совершенством" (СРФ:519).

Следовательно, возможно утверждать, что *Образность* также является субкомпонентом лексического значения компонента *Эмоциональная оценочность* в схеме: *Экспрессивность* > *Эмоциональность* > *Эмоциональная оценочность*.

Исходя из позиции автора, компонентами *Эмоциональной оценки* являются:

- метафорическая образность: *блеск* – '1. сущ. м. восх. перен. Великолепие, яркое проявление чего-н., каких-либо достоинств, способностей; пышность. *Блеск славы. Блеск остроумия. Блеск таланта. Блеск наряда.* Первоначально: яркий искрящийся (сияющий) свет, отсвет. 2. сущ. м. в знач. сказ. (разг.) восх. О чём-н. очень хорошем, впечатляющем, красота. *Фильм – блеск!* "(Андрей:) Ты сегодня – шик, блеск, нарядная!" (Розов. В добрый путь); *ворона* – '1. сущ. ж. (разг.) неодобр. перен. Зевака, ротозей; о рассеянном, невнимательном человеке. Первоначально: всеядная птица семейства вороновых, серая с чёрным или чёрная.' "– *Ворона!* – перебил он вдруг себя, – пропустил почтовый ящик." (Куприн. Мирное житие);

- интенсивность выражаемого признака: *гадостный* – ‘прил. (разг.) презр. Очень плохой, мерзкий; вызывающий отвращение. *Гадостный поступок.* “Нынче персидский порошок стали продавать такой гадостный.” (Десков. Полуночники); *отличный* – ‘прил. восх. Очень хороший, превосходный. *Отличная игра актёров. Продукция отличного качества.* Первоначально: отличающийся от другого, иной.’ “– Хороший город (Вязьма)! ... Отличный, брат, город! Пряниками прославился. Пряники классические!” (Чехов. Актёрская гибель);
- звуковая образность: *тюха* – ‘Тюха-матюха (прост.) пренебр. Простофиля, фофан, пентюх.’ “– Читал газету за десятое число?.. - Нет. А что? – Что, что! Вот уж тюха-матюха. Земля перевернётся, а ты и знать не будешь.” (Абрамов. Две весны и три лета); *симпомпончик* – ‘сущ. м. и ж. (разг.) одобр./ласк. О человеке, приятном на вид, пухленьком, румяном и т.п.’ “(Андрей:) Понравилась тебе Галина? (Алексей:) Красивая. (Андрей:) А эта, что с тобой приехала, тоже симпомпончик.” (Розов. В добрый час);
- словообразовательные аффиксы, обладающие собственным оценочным значением: *папочка* – ‘сущ. м. ласк. То же, что отец.’ “– Прислал бы (сын) в одно прекрасное утро четырёх сопляков с записочкой: посылаю вам, дорогой папочка, ваших внучат на попечение.” (Федин. Города и годы); *книжонка* – ‘сущ. ж. пренебр. То же, что книга, часто плохого содержания.’

Определены виды положительной Эмоциональной оценки, при этом впервые выделяется дружелюбное отношение как самостоятельный вид Эмоциональной оценки (см. таблицу 1 *Виды эмоционально-оценочных помет*):

- дружелюбное отношение;
- ласковое отношение (разница по сравнению с дружелюбным отношением в характере эмоционального отношения и интенсивности);
- одобрение;
- восхищение (разница по сравнению с одобрением в высокой степени интенсивности).

Отрицательная эмоциональная оценка дробится на такие виды, как

- неодобрение;
- крайнее неодобрение (разница по сравнению с неодобрением в интенсивности);
- пренебрежение (наличествует позиция сверху вниз со стороны субъекта оценки);
- презрение (разница по сравнению с пренебрежением в интенсивности);
- уничижение (дополнительная семантика умаления объекта оценивания).

Таблица 1. Виды эмоционально-оценочных помет.

Тип и вид эмоциональной оценки	Примеры из <i>Словаря эмоционально-оценочной русской лексики и фразеологии» (ЭМОС)</i> с выборочными иллюстрациями
положительная	
дружелюбное отношение	<p>ДРУЖИЩЕ – ‘сущ. м. (разг.) друж. Дружелюбное обращение к лицу мужского пола. <i>Дружище, дай закурить!</i> “– <i>Послушай-ка, дружище, ты, сказывают, петь великий мастерище.</i>” (Крылов. Осел и Соловей). <i>“Книга, дружище, как хороший сад, где всё есть, и приятное, и полезное.</i>” (Горький. В людях);</p> <p>КОРЕШ – ‘сущ. м. (разг.) друж. Близкий друг, приятель. <i>Кореш, помоги!</i>’ “<i>На Новый год думаю с одним корешем съездить в Архангельск.</i>” (Абрамов. Две весны и три лета)</p>
ласковое отношение	<p>ЛАПУШКА – ‘сущ. м. и ж. (разг.) ласк. Ласковое обращение (чаще к женщине).’ “<i>(Кочкарев:) Иван Кузьмич! Лапушка, милочка! Ну хочешь я стану на колени перед тобой?</i>” (Гоголь. Женидьба);</p> <p>МАМОЧКА – ‘1. сущ. ж. (прост./разг.) ласк. Мама, мать. <i>Мамочка, как я рад тебя видеть!</i>’</p>
одобрение	<p>ЖЕЛЕЗНЫЙ (-АЯ, -ОЕ) – ‘прил. одобр. перен. Сильный, крепкий. <i>Железное здоровье. Железные мускулы. Железный человек.</i> Первоначально: сделанный из серебристо-белого металла, главной составной части чугуна и стали.’ “<i>И хотя его (Мересьева) железный</i></p>

	<p>организм легко перенёс мастерски сделанную ампутацию, он заметно слабел." (Полевой. Повесть о настоящем человеке);</p> <p>ОГУРЧИК – ‘сущ. м. (разг.) одобр. О ком-л. здоровом, крепком, свежем на вид. Первоначально: (уменьш. разг.) огородное растение семейства тыквенных с продолговатым зелёным плодом.’ “Лошади у него раздобрели; выхолил он их – такие огурчики стали – загляденье!” (Тургенев. Старые портреты). “(Шабельский (целует Бабакину в щеку):) Прелесть! Огурчик!” (Чехов. Иванов)</p>
восхищение	<p>ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ (-АЯ, -ОЕ) – ‘прил. (разг.) восх. Исключительный по своим достоинствам, выдающийся. Замечательный писатель. Замечательное достижение. Первоначально: исключительный, чрезвычайный.’ “От своих учеников, а особенно учениц, он был в восторге и говорил, что подрастает теперь замечательное поколение.” (Чехов. Три года) “(Гак:) За ваше здоровье, Сергей Антипыч. Мадера – шик! (Мелкин:) Замечательная мадера!” (Ромашов. Воздушный пирог);</p> <p>ЖЕМЧУЖИНА – ‘сущ. ж. чего или какая. (высок. и разг.) восх. перен. Тот, кто (или то, что) выделяется своими достоинствами среди других, является лучшим украшением, сокровищем чего-л. Жемчужина русской поэзии. Архитектурная жемчужина. Первоначально: (ж.) одно зерно жемчуга.’ “(Граф:) Вам грешно оставаться здесь. Я не потерплю, чтобы такая жемчужина пропала в глуши.” (Тургенев. Провинциалка). “Такие вещи, как, например, «Листригоны», «Гамбринус», «Ночная смена», «Гранатовый браслет», «Олеся», были и навсегда останутся подлинными жемчужинами русской художественной литературы.” (Катаев. Куприн)</p>
отрицательная	
неодобрение	<p>ОКРОШКА – ‘сущ. ж. (разг.) неодобр. перен. Беспорядочная смесь. Окрошка из чужих мыслей. Первоначально: холодное кушанье из, кваса с разной зеленью и мелко нарубленным мясом или рыбой.’ “В сущности, получалась какая-то окрошка из всевозможных стилей.” (Мамин-Сибиряк. Падающие звёзды). “Я</p>

	<p><i>столько просмотрел всяких учебников. что в голове у меня образовалась настоящая крошка.</i>" (Авдеев. «Зайцем» на Парнас);</p> <p>НОЖ – ‘Нож в спину кому. (разг.) неодобр. Коварное предательство, предательский поступок по отношению к кому-либо.’ “<i>Прайс спокойно вынул пистолет и выстрелил (в себя)... Никольсен был возмущен до глубины души. – Это удар по духу, по дисциплине! Ещё одна, последняя подлость Прайса! Нож в спину! Зачем? Так оскорбить всех.</i>” (Задорнов. Война за океан).</p>
крайнее неодобрение	<p>ОСЁЛ – ‘сущ. м. (разг. бран.) крайнее неодобр. перен. О тупом упрянце, глупце. <i>Этому ослу ничего не докажешь.</i> Первоначально: животное семейства лошадиных, невысокого роста, с большой мордой и длинными ушами.’ “– <i>Вот, например, у нас голова – совершенный осёл! Тупица непроходимая!</i>” (Тургенев. Новь). “<i>Посрамление математика Алёша приурочивал к экзаменам. Вот тогда я и докажу ему, кто из нас осёл!</i>” (Пермитин. Раннее утро);</p> <p>АБРАКАДАБРА – ‘сущ. ж. крайнее неодобр. Бессмысленный, непонятный набор слов. Первоначально: таинственное персидское слово, служившее спасительным магическим заклинанием. <i>Это какая-то явная абракадабра.</i>’ “– <i>Ну, вы уж понесли какую-то абракадабру, – сказала Вера Никандровна.</i>” (Федин. Необыкновенное лето)</p>
пренебрежение	<p>ПЕНТЮХ – ‘1. сущ. м. (прост./разг. бран.) пренебр. Неуклюжий человек, увалень. 2. сущ. м. (прост./разг. бран.) пренебр. Медленно соображающий, непонятливый человек. Образовано от: укр. ‘пень или брюхо, внутренности’ (Фасмер).” “– <i>А русскую хорошо пляшешь? Не умеешь? Ах, ты, пентюх!</i>” (Мамин-Сибиряк. Хлеб). “– <i>Какой ты пентюх! Не предупредил заранее... Мы бы её (девушку) обязательно сюда на автомобиле доставили.</i>” (Саянов. Небо и земля);</p> <p>ПЕНЬ – ‘Глухой как пень (прост.) пренебр. Совершенно глухой.’ “<i>Александр Демьянович не просто глухой, как пень, старик. Его глаза то и дело вспыхивают озорно, он вроде бы с самого начала знает, что кто-то спрятался под кроватью его жены, и хладнокровно выжидает, чем всё то кончится.</i>” (Деревицкий. Время</p>

	для размышления)
презрение	БАБА – ‘2. сущ. ж. (разг.) презр. перен. О робком слабохарактерном мужчине, мальчике. Первоначально: (прост.) замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья.’ <i>“(Паратов:) Если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий.”</i> (А. Островский. Бесприданница). <i>“(Смирнов:) Ни одна каналья не платит! А всё оттого, что я слишком их избаловал, что я нюня, тряпка, баба!”</i> (Чехов. Медведь); АЛЁХА – ‘Алёха сельский (прост.) презр. Безнадёжный дурак, глупый, невежественный человек.’
уничжение	МУЖИЧИШКА – ‘2. сущ. м. (прост./разг.) пренебр. уничиж. Мужчина.’ <i>“(Михаил Кузьмич) был неказистый с виду мужичишка: низенький, сухонький.”</i> (Крутилин. За косогором); НИЧТОЖНЫЙ (-АЯ, -ОЕ) – ‘прил. пренебр. уничиж. Совершенно незначительный по роли, внутреннему содержанию; не внушающий к себе уважения, мелкий. Ничтожная роль. Ничтожная личность. Первоначально: очень малый, незначительный по количеству.’ <i>“Что-то в самой глубине души смутно и глухо шептало ей, что она мелкая, пошлая, дрянная, ничтожная женщина.”</i> (Чехов. Дуэль). <i>“– Как я мелок, ничтожен, – говорил в раздумье Александр: нет у меня сердца, я жалок, нищ духом!”</i> (Гончаров. Обыкновенная история)

Выделены ЛТГ (лексико-тематические группы), определяющие возникновение вторичной положительно- и отрицательно-оценочной семантики на основе тематической отнесенности первичной семантики лексем; определены сквозные семы (‘волшебного’, ‘небесного’, ‘блеска’, ‘сказочного’, ‘сладкого’ и др. положительного спектра), обуславливающие существование оценочных квазистереотипов (ангел, чудо, царь, волшебный, малина, конфетка, золото, солнце, звезда и др.); выявлена зависимость переосмысления первичной семантики (первичная семантика – переосмысленный признак – вторичное оценочное значение: *железный* – ‘крепкость’ – *железный характер*).

Характерной чертой эмотивно-оценочных лексем и идиом является энантиосемия (Киселёва 1978), возможность их двойственного,

полярного осмысления как в оценочном, так и в предметно-логическом плане, при этом данная возможность двойного восприятия обусловлена амбивалентностью базисного содержания и системно трансформирует мелиоративную семантику в ироническую либо шутовую: *агнец божий* – «(устар. книжн.) одобр. и ирон. Олицетворение кротости, непорочности», *букварь* – «(жарг.) шутол. и ирон. Зубрила, старательный ученик, отличник» и «(жарг.) пренебр. Двоечник, второгодник», *балерина* – «(жарг.) одобр. и ирон. Молодая, красивая женщина или девушка», *тишь да гладь, да божья благодать* – «(разг.) одобр./восх. и неодобр. ирон. О полном благополучии, спокойствии».

Другой типичной особенностью использования эмотивно-оценочных единиц (на фразеологическом уровне, в рамках контекста высказывания) является сенсбилизация: усиление эмоционального воздействия (см. Киселёва 1978). Так как ФЕ представляют собой мини-высказывание (по крайней мере этимологически), следует отметить случаи усиления оценочности компонента ФЕ, при этом определения опорных компонентов, чья лексическая семантика уже обладает определённой эмотивной оценочностью, естественным образом усиливают иллюкутивный эффект воздействия: *балбешка стоеросовая* – «(прост. бран.) крайнее неодобр. Глупый, тупой человек.», *отставной козы барабанщик* – «(прост./разг.) пренебр. шутол. ирон. О малозначительном, занимающем низкое положение в обществе человеке, претендующем на общественное признание.», *наговорить сорок бочек арестантов* – «(прост.) неодобр. ирон. Очень много нарасказать о чем-л. неправдоподобном; наговорить с три короба», *гнус паршивый* – «(прост. бран.) крайнее неодобр. Надоедливый, противный человек; обычно употребляется как ругательство», *бред сивой кобылы в мутную ночь* – «(жарг.) крайнее неодобр. Выражает неодобрение, недовольство, досаду».

Автором выделяется закономерность развития общеоценочного значения на базе номинативно-оценочной семантики: *адский* – «1. крайнее неодобр. Злобный, коварный» – «2. (разг.) крайнее неодобр. Такой, как в аду; ужасный, отвратительный», *ас* – «1. восх. Выдающийся по летному и боевому мастерству лётчик» – «2. чего и в чем, какой. восх. Большой мастер, отличный специалист»; *баланда* – «1. (жарг.) пренебр. Любая пицца невысокого качества (обычно о еде в предприятиях общепита)», «2. (жарг.) пренебр. перен. Бестолковый текст; неясная, нечёткая речь», при этом расширяется как круг признаков, по которым может быть оценен объект/адресат, так и круг объектов оценки:

калоша – «1. (жарг.) пренебр. Растяпа, дурак», «2. (жарг.) друж. Друг, приятель», «3. (жарг.) друж. Шутливо-дружеское обращение», «4. (жарг.) пренебр. Старая машина».

Появляются возможности предикативного использования ФЕ для характеристики адресата, объекта, признака, ситуации в целом: *восторг* – «1. (разг.) восх. Нечто отличное, замечательное», «2. в зн. межд. (разг.) восх. Выражает положительную эмоцию», *вещь* – «1. (разг.) восх. Нечто хорошее», «2. (разг.) восх. Выражает одобрение, восхищение, восторг», *блеск* – «1. восх. Великолепие, яркое проявление чего-н., каких-либо достоинств, способностей; пышность» – «2. в знач. сказ. (разг.) восх. О чём-н. очень хорошем, впечатляющем, красота» – «3. в зн. межд. (сленг) восх. Прекрасно, ну и ну, ай да вещь!».

Эмоциональная оценка определяется также близким окружением лексической единицы – словами-актуализаторами: *артист* – «(разг.) одобр. Человек, который обладает высоким мастерством в какой-н. области», *артист (из) погорелого театра* – «(разг.) неодобр. ирон. Человек, не оправдавший надежд в каком-либо деле», *артист в душе* – «одобр. Человек, от природы одарённый способностями к перевоплощению», *артист своего дела* – «(разг.) одобр. Человек, выполняющий своё дело с большим искусством и любовью».

Ирония обуславливает системную оценочную транспозицию, при которой происходит переосмысление первичной мелиоративной семантики за счет определений (эпитетов): *Геракл сушеный* – «Ироническое обращение к человеку, который необоснованно считает себя физически сильным», *герой – штаны с дырой* – «ирон. О человеке, который совершает какие-л. смешные поступки».

Другим примером транспозиции является формирование положительной эмоционально-оценочной семантики на основе амбивалентности восприятия первичного образа: *бес* – «(прост./разг. бран.) крайнее неодобр. Употребляется как бранное слово», «(разг.) груб. одобр. перен. О живом, ловком, задорном, умном, находчивом человеке, реже – животном», «на что-н. в чем-л. по чему-л. либо с инфинитивом (*работать, плясать, хлопотать*) (разг.) груб. одобр. перен. Мастер в чём-либо».

Следует отметить сложность лексикографической эмоционально-оценочной маркировки лексических единиц,

относящихся к жаргону, а также фразеологических единиц в связи с синкретичным характером семантики, в положительном регистре в таких случаях используется смешанная помета *одобр./восх.*

Безусловно, детальный анализ терминологического аппарата предлагаемого «Словаря эмоционально-оценочной русской лексики и фразеологии» (ЭМОС) выходит за рамки настоящей статьи, тем не менее изложенное здесь позволило ввести и определить некоторые семантические различия лексических и фразеологических единиц в аспекте прагмалингвистики, что может быть использовано в практике лексикографического описания (одноязычных и двуязычных словарей), а также при преподавании русской лексикологии и практической стилистики на продвинутых этапах обучения.

Библиография

- Black M., 1962. *Models and Metaphors* // *Studies in Language and Philosophy*. New York.
- Lakoff George, 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal About The Mind*. Chicago and London.
- Pastor Gloria, 1996. *Manuel de fraseología española*. Madrid.
- Апресян Ю.Д., 1988. *Прагматическая информация для толкового словаря* // *Прагматика и проблема интенциональности*. Москва.
- Вежбицкая А., 1996. *Русский язык*. // *Язык. Культура. Познание*. Москва. С. 33-88.
- Гумбольдт В., 1984. *Избранные труды по языкознанию*. Москва.
- Караулов Ю.Н., 1985. *Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка*. Москва.
- Киселева Л.А., 1978. *Вопросы теории речевого воздействия*. Ленинград.
- Мелерович А.М., 1979. *Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка*. Ярославль.
- Минский М., 1979. *Фреймы для представления знаний*. Москва.

Мокиенко В.М., 1989. *Славянская фразеология*. Москва.

Потебня А.А., 1999. *Полное собрание трудов: Мысль и язык*. Москва.

Телия В.Н., 1986. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва.

Телия В.Н., 1996. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва.

Филлмор Ч. Дж., 1983. *Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии. Вып. 14. Москва. С. 23-60.*